

Андрей
ПОЛОНСКИЙ

ОСТАЁМЯ

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ

КАСТОПРАВДЫ

Россия, 2016

Остаёмся. Андрей Полонский.
Издательские проекты Касторправды. Россия, 2016.

Андрей Полонский родился в Москве в 1958 году. Жил в Москве, Ялте, Мытищах. С 2014 года живет в Санкт-Петербурге. Ел, спал, учился в университете, сидел в тюрьме. Путешествовал, читал, видел. Записывал и публиковал тексты. Тексты переводились на английский, французский, немецкий, голландский, болгарский, хинди.

Книги стихов: «Малая колесница» (2001), «Иерусалим — Тибет» (2006), «Лучше я покурю» (2010, НИ) - билингва на русском и английском языках, «Апостол уснул» (2012), «Стихи тринадцатого года» (2014), «Так — Мы» (2016, free poetry limited edition). Книги прозы: «Апология Ивана-дурака» (2011), «Русские байки» (в соавторстве с Владимиром Роциным и Максимом Привезенцевым; 2013).

В седьмую поэтическую книгу Андрея Полонского вошли тексты, написанные в 2014 — начале 2016 года.

Кем я должен быть?

Кем я должен быть?

Кем я должен быть?

Не был я ни-кем,

Не был я ни-кем,

Не был я ни-кем.

Андрей Полонский, - говорят люди, которые знают.

А те, что не знают, просто не знают, кто это.

ДО КОНЦА

1.

Я все время читаю и слышу про депрессию, мизантропию, скорби мира, скверную политическую и экономическую ситуацию, Донбасс, Кузбасс, наводнения, новолуния, взрывы, рак, инфаркт. И мне не всегда понятно, почему у меня так часто последнее время настроение, близкое к ликованию. Как будто прозака объелся. А ведь вроде бы в жизни конкретно ничего не переменялось. Опять поздняя осень, опять рано снег пошел. Вот он идет на фоне желтой стены обычного питерского колодца. Я даже в окна напротив не вглядываюсь, там геометрия какая-то, фигуры перемещаются, кто-то чайник ставит. Любовь или тоска, одиночество. Кто его знает? Но воздух сладок все равно, вот что самое главное. Тут важно правильно себя понять в системе координат. Абсолютное не/существование на другом конце времени/пространства. Туда свалиться проще, чем слиться с абсолютным бытием. Абсолютное бытие – другая крайность, а время и география твоей жизни как-то странно заверчены между ними. Какими точками описываются границы сложного, но при этом четко отграниченного объема индивидуального существования. Две даты? Этого явно мало. Каждое место/секунда - мало не покажется, - будешь слишком мельчить, рисунку не хватит резкости.

Вот, скажем, абсолютное бытие, а куда всю эту кровь, кишки, слизь, костный строительный материал? Всю эту тьму и тяжесть повседневности, которая на самом деле так дорога, до дрожи. Любить свое тело, чувствовать, как ликует рука, если ее просто погладить другой рукой. Пародийно, да? Простая радость пародийна. Тот, кто создавал нас, заложил мощнейшую силу этой радости. Ее только нужно открыть, а мы ее держим под запором. Не торжествуем от сочетания вкусов в вине, в сигаре, жареном мясе, тостах. Думаем, это все химия, обязательная программа. Но за химией скрывается что-то большее, причем не только, когда мы погружены в эротику.

Использовать материал Вселенной и быть готовым самому стать материалом. Включиться в круговорот осознанно, не автоматически.

Не спешить разрушать свою идентичность, она сама разрушится. Пока ее можно покормить – удовольствиями, улыбками, прогулкой на велосипеде под дождем в ноль градусов. В Питере идет дождь, это здорово. Вчера было ведро, это восхитительно. Живу – это праздник и подарок. Умру, страшновато, но тоже будет приключение. Генная инженерия, биохимия и квантовая механика, – за ними стоит космос, прежде всех век слившийся с хаосом в любовном соитии. Ближние, дальние, убийцы, жертвы. Они дышат, они перестанут. Отдельных мы любим сильнее. Обо многих станем плакать, если они уйдут туда, а мы останемся здесь. Но пока мы здесь. Хочется насладиться этим даром до конца. Я собираюсь насладиться этим даром до конца.

2.

Вспоминать много не стоит, это отвлекает от звуков, ощущений, картинки за окном. Но сознанию не прикажешь, и в голове у меня постоянно вращают свои колеса телеги покойничка Гуру о странном святом, о блаженном убийце, просветленном воре, вдохновенном насильнике, разбойнике-пророке и юродивом сотруднике органов государственной безопасности. Многие меня осудят, конечно, уже за один этот перечень, но я за него держусь, как за перила. Как там у Бродского: «хотя и не особо чистые, удерживающие в равновесии мои хромающие истины на этой выщербленной лестнице».

Существует большая европейская культура нового времени, которая знает, что во имя красоты и истины надо много учиться, работать, познавать, совершенствоваться, вглядываться в окружающий пейзаж. Алхимия – ее пролог, Освенцим – ее финал, Деррида и Делез – моралитэ и предварительные выводы. И есть наша культурка, где последнюю формулу, спасающую от смерти, произносит Алик Сюсю, перебравший тройного где-то в продувной подворотне конца семидесятых. Я, кстати, ничего не помню из того, что он тогда сказал. Я знаю только, что бояться не надо.

3.

Я сейчас ответил, как мне кажется, на вопрос:

Зачем Богу нужны все эти депрессии, мизантропии, скорби мира, скверная политическая и экономическая ситуация, Донбасс, Кузбасс, наводнения, новолуния, взрывы, рак, инфаркт?

Чтобы мы видели красоту и святость творения.

Дух веет
Где хочет
Не знаю
Где хочет
Не знаю
Не знаю
Не знаю
Где хочет

Дух веет
Не знаю
Где хочет
Не знаю
Где хочет
Где хочет
Где хочет
Не знаю
Где веет
Не знаю
Он дух

Он веет
Он хочет
Он знает
Где дух?

История, конечно, странная,
имена птиц, - говорите, - имена птиц,
я вот хорошо знаю имена дорог -
из Нюрнберга в Берлин, из Лхасы в Нирвану,
из Юрьева Польского в Небылое.
Распевка должна быть обязательно,
а то что ж такое? - человек в пути,
да без песни?

о чем бы думать я хотел
о чем бы думать я не мог
о чем бы думать я не смел
все это ясно видит Бог
Он наверху а мы внизу
Он наверху а мы бредем
Он наверху а мы одни
мы здесь одни Он там втроем
я бы упал я бы просил
чтоб нам немного не болеть
не умирать не тосковать
не ждать о прошлом не жалеть
пусть я ничтожен мал и сир
лицом не вышел телом слаб
в другой эон в другой портал
мечтаю думаю молю
прости я так Тебя люблю

РЕЛИГИОЗНОЕ.

(маленькая оркестровка)

1)

Хотел бы я сказать себе тебе
О том, что там вдали, в Туве, в Мали
Прогнивший корень перезревший плод,
Но ты люби его, лелей, а не дави.
От языка до кончиков ногтей
Я твой, мой вой, а был себе ничей,
Я твой, мой рой пчелиный, страх и мед,
А был ничей, как праздник и улет,
В связи с одной случайной - частный страх,
Необычайный ужас на устах.
У ста таких же хохот жжет, жует
Времен неспешных неба приворот.
Вот опыт, получи его в ладонь,
Декабрь, город, что еще – прости? –
В случайных обстоятельствах из нас

Гончар лепит
Что-то совсем странное....

2)

А говорят – Он далеко, Его
И не достать, Он отвернулся и не хочет
С такими разговаривать.

Ослушники, преступники,
Вообще...

Стеклянный суфий кружится в пустыне,
На площадях прохожие, дворцы.

Кто думает? – о продолжение рода –
Скорей об имитации всего.

3)

Бобер – плотину, кит – призывный зов,
А я, беспомощный, слова, они никак
Не собираются и сыплются, как манна,
Немного утоляют, и опять
Бобер – платину, волк – войну и вой...

4)

Потом, конечно, лепет, детский страх,
Вернуть, конечно, только кто - Кому
Расскажет, как прошла она, и вот
Случайный знак, нелепый оборот.

Ну, неужели, разве, иногда,
Комок в груди, и вниз, где лодочник хранит
Свои непостижимые воспоминания.

5)

я так прошу Тебя молчу молю
но все опять не так не тут не в том
неоднородный привкус (бытия)
почувствовать хребтом

6)

как ты пишешь, соединяя
хром и холод, сливы и след
ласковый город
там, где мы есть

вот что нам светит
через сто лет -
все тот же ветер
там, где нас нет

7)
бобер – плотину, волк – войну и вой,
но ты,
но мы,
но я,
но я,
но я...

8)
ноя ноя ноя ноя Ной
ной о главном значит пой
пой о том как мы живем
план ли курим вина пьем
стан ли тонок близок дом
как заходим в водоем
и глядим за оком
как выходит нам последний
окончательный облом

ам – Ом

9)
существует главный ном
мы бывали там вдвоем
а теперь мы здесь живем

10)

бобер – плотину, кит – призывный зов,
охранник – сплетни, я – ? - ?,
священник – память, волк – войну и вой,
конечно, вещи стоили трудов,
их не сумел бы сотворить Любой,
и это повод отнести к Нему всерьез.

Много Бога много Бога
много много много Бога

понимание Иного
к сожалению не ново

и терпимость к оному
по рецептам Орвелла

а без Бога только быт
всех тошнит

То, что умею я – умею,
Что пожелаю отворю,
Пойму идею, лотерею,
Приму обманную зарю.
Эпоха врет, гуляют девки,
Томит экстаз и жжется ток,
Щекочут мысли и проделки,
Лажают запад и восторг.
Необязательного лада
Неубедительный порыв...
Уснуть собакой у ограды,
Последний голод утолив...
Уснуть и сон увидеть странный,
В далеком космосе чужом
Есть на планете безымянной
Мой сад, мой дом.
Там мать с отцом, там бабка и дедом,
Там вишня, слива и жасмин,
Но я пути туда не ведал,
Жил-не тужил, и шут бы с ним.
А тут железные ворота,
За ними путь сквозь мглы и мглы,
Я отворил бы их, но что-то
Ворота больно тяжелы.

ВЕЛИКОПОСТНОЕ

Не умею, не знаю, не помню,
где я видел Тебя, как я чувствовал, и откуда
эта вера в Отеческий дом
и надежда на чудо.

Вот вечер, вот утро, ложусь, встаю,
говорю кому-то: «привет», читаю книгу,
если молюсь, то случайно, никакой особенной жертвы Твоему алтарю,
не говоря уже о подвигах и веригах.

Даже с добрыми делами дела у меня идут кое-как,
вроде бы что-то-то где-то, но почему-то всегда с оглядкой,
чистого серебра немного, преобладает шлак,
и пересуды с ухмылкой гадкой.

Умничаю, как умею, вероятно, совсем сдурел,
с наслаждением барахтаюсь в море стыда и блуда,
но где-то теплится вера в Отчий предел
и надежда на чудо.

с любой стороны вороны
летят они небо ясное
летят они небо хмурое
с любой стороны д`на моей стороне
я вот спрашиваю себя спрашиваю
отчего я тут почему не там
отчего гляжу бесплодный я
как с любой стороны вороны
хоть бы стрЕльнул раз хоть бы стрЕльнул два
хоть бы стрЕльнул так неумеючи
хоть для вида бы хоть для галочки
что не просто так здесь сидел смотрел
ох как хочется да не хочется
жалко птицу пусть она мрачная
жалко птицу пусть она темная
но любой стороны - вороны
а моя сторона она всегда моя
а моя сторона она всегда одна
а чужие вона все стороны
и со всех сторон вороны

без-образное, о чем я,
невероятно, что здесь
такое же солнце, дороги, каменоломни,
девушки, преступники, все есть.
но изменилось главное ощущение,
и мне кажется, птиц стало меньше и больше ос,
может быть, дело в индивидуальном возрасте, но, скорее, в
объективном времени,
вряд ли кто-то мне ответит на подобный вопрос.
хочется плакать, но нет слез,
хочется стрелять, но не видно цели,
наверное, всерьез
такие как я выдохлись и пролетели.
слагать ямбом и хореем
без особых проблем,
в городе миллионы автомобилей, - говорить, - миллионы дорог,
их хватит всем,
даже тем, кто отчаялся и одинок.
автостоп в сторону я описал давно,
на обочине руку поднял не скупающий человек,
Бог с неба сыплет пшено
поровну и на всех.
но, кажется, и он утомился от нашей злой ерунды,
печалится о том, что обещал Ною,
но ничего, мы сами справимся, у нас замыслов до звезды,
жалко только, что дети смотрят цветные сны этой, как и любой другой,
весной...
они ни в чем не виноваты пока, а мрак,
как в фэнтези, сгущается; в сущности, мы долго плывем в тумане,
где он, берег? кто сир, кто благ,
о чем рыдают сирены в сереющем океане?

Спи спокойно, надо спать,
Не роптать, умерить спесь,
Если что-то праздновать,
Не сейчас, не здесь.
Спи спокойно, минет год,
Отсмеются несмеяны,
Мельник сумрак всех возьмет,
Окаянных.
Только буду я ли, ты ли,
Перемелется зерно.
Вот счастливые другие
Смотрят в черное Оно.

Я начинаю задыхаться
Мне не хватает времени и все же
Я трачу время безо всякой пользы
По улицам прогуливается нечто
Готовое расправиться с такими
Как я бесспорно не способными к убийству
Вот улыбаться улыбаться улыбаться
Любить бл//ей Нью-Йорк и долматинов
Украинский язык и русский суржик
За это можно в рыло можно нужно
Послушайте мне нужно жить в другую
В другой и хорошо еще что с теми же
Друзьями в том же доме
Элегия

я не знаю для кого и кому
я не знаю почему и куда
в этом космосе лететь по уму
тоже веришь ли мне стоит труда
остаётся ещё день простоять
продержаться ещё ночь и вперед
в этом хаосе растак его мать
в этом космосе давись оно в рот
неоткрытых коридоров простор
приговоров необъявленных клин
душно просто мне и весь разговор
тоже повод разрядить магазин

НАД ИНТЕРНЕТОМ В ОЖИДАНИИ КРИЗИСА В СТРАХЕ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

вокруг такие блин вещи
какие-то блин лихие
все пророчат клеветуют
выкликают стихи
одни хотят чтоб не хуже
чтоб удобней сытнее
чтоб не внутри - снаружи
но как - они не умеют
другие ругают Россию
мол их она оскорбила
сбила не оправдала
лишила ума и силы
лишила яда и жала
и ваще опростала
точней сказать упростила
а я лежу на диване
как лежал бы в Иране
в Америке в Индостане
и даже быть может в Кабуле
меня врасплох не застали
пока еще не нагнули
и кто это сделать хочет
пусть пробует между прочим
не то чтоб дурна эпоха
от пота мокра рубаха
проверить насколько ты прочен
по жизни всегда неплохо
зачем верещать от страха?

Во Франции жил Жан Жорес,
убили его легко,
а нам до тех мест
непривычно и далеко.
Подняли сто пятьдесят тысяч людей,
и то началась война,
а нам, балдей, не балдей,
все это на хрена?
Вот я, например, вспоминаю, вот,
думаю, как дурак,
какой же я все-таки идиот,
что здесь, так
а во Франции, где бы я мог, наверное, жизнь свою прогулять,
просвистеть, геройствуя, или так, в кино,
хочется сказать запрещенное «б///дь»,
все равно.
Как же мне все равно, что случится там,
что случится тут,
оружие раздают, - говоришь. Не нам,
говоришь. Не нам, - говоришь, - раздают.
Стыд и срам. Все уже упущено. У них на мази.
И люди не плачут. Скорей довольны. Ужинают и поют.
Небеса распахнутся. Расточатся врази.
Наступит уют.
А нам идти и идти. Сквозь дождь и печаль.
Сквозь тоску и скуку. Вперед и вперед.
Тот, кто все это с умыслом расточал,
Наверное, когда-нибудь с умыслом соберет.
Во Франции был убит Жан Жорес.
Его сын добровольцем ушел на войну..
И был тоже убит, балбес.
Это случилось сто лет назад. Почти в старину.

ПОЧЕМУ ОНИ УБИЛИ ЖОРЕСА (из Жака Бреля)

Они с пятнадцати трудились
Улыбка смытая с лица
Всегда их месяц был декабрь
Декабрь декабрь без конца
Как плотно сжаты эти губы
Как в унисон стучат сердца
Стакан абсента после мессы
Станки супружеской любви
Да-да Господь да-да Хозяин
Мы все твои мы все твои

Почему они убили Жореса?
Почему они убили Жореса?

Нет не рабы конечно все же
Но старики в семнадцать лет
Права гражданские имели
Но чтобы радоваться - нет
Зато у них была надежда
Не голодать скопить монет
Не все старели и мудрели
Бывало пили на хрен шли
Да-да Господь да-да Хозяин
Мы все твои мы все твои

Почему они убили Жореса?
Почему они убили Жореса?

Когда их дети выживали -
Лишь чтобы сгинуть на войне
Под нудный грохот канонады
Под бесконечное: «Ко мне!»

То грезились им поле славы
И путь к бессмертью в вышине.
До двадцати не дотянули,
Умылись в собственной крови
Где ты Господь где ты Хозяин
Мы все твои, мы все твои
Нас в день победы вспоминают
И честь салютом воздают

Почему они убили Жореса?
Почему они убили Жореса?

Я нашел себя в сетевом списке врагов народа
Мой дед был врагом народа мой второй дед был врагом народа
Папе и маме повезло они не были врагами народа
Я вот никак не ожидал что стану врагом народа
Собственно долгое время никто не вспоминал о врагах народа
Не знал о врагах народа не искал врагов народа
И враги народа жили спокойно среди народа
Я путешествовал автостопом и говорил с народом
Я ездил на картошку и пил с народом
Я спал с народом я летал с народом
Я пел с народом тосковал с народом
Удивлялся народу вдохновлялся народом
Мне казалось, что был этим самым народом
И вдруг оказался врагом народа

Выяснилось, что быть другом одной части народа значит быть врагом
другой части народа
Точней, быть другом одного народа значит быть врагом другого народа

Во, ситуация

1.

Скоро прилетят птицы. Скоро, скоро
Потеплеет, будет плюс четырнадцать, плюс восемнадцать.
Мы накинem легкие куртки, снимем легкие куртки,
Будем гулять в лесу, говорить о главном,
Смеяться, любить друг друга, петь песни,
Пить вино, менять резину, праздновать лето,
Будет уже плюс тридцать, надо собираться купаться,
Зацветет вода в озерах, раскалится небо,
И до поры до времени мы не узнаем,
Куда передислоцирован батальон «Восток».

Еще можно надеяться на такое,
Прохлаждаться в кафе, держать в руке руку,
Открывать старым магнитным ключом ворота,
Сидеть на скамейке в беседке сталинской эпохи,
Потрескавшийся цемент, заросли в углу парка
Рядом со стройкой, здесь строят новую двадцатичетырехэтажку,
Пентхаузы по миллиону, остальные квартиры немного дешевле,
Разумеется, баксов. Дон-строй или что-то другое,
Какая-то там групп, учредитель непременно сядет,
А пока пусть насладится, томясь в утренней пробке
И слушая по Серебряному дождю собственную рекламу.
Случайно сохранившаяся беседка.
Куда передислоцирован батальон «Восток»?

Романтизм к черту! отнюдь не сидеть на этой скамейке,
Делать все, что заблагорассудится, в любом месте,
В том числе запрещенные вещи, траву, книги,
Поваренную книгу анархиста, историю ЛСД-движения,
Все то, что когда-то издавал Кормильцев, пока он еще не умер,
Под ясным небом, под распахнутым небом июня,

Только не это, только не это,
Странное совпадение, информация ниоткуда, но совершенно ясно,
Куда передислоцирован батальон «Восток».

2.

Скоро придут за мной. Видишь, уже стучат...
Подожди, это только в твоей голове.
Какой невыносимый звук, раз – два – три...
Я не верю, это за мной, давай прощаться...
Никакого отчаянья, в сущности. Даже к лучшему,
Ведь тогда, когда мы никого не интересовали,
Нам казалось, мир стал идеально скучен,
Скученный мир, ссученный, он был почти идеальным,
Никто, никого, ни за кем, ни у кого из знакомых,
Старая пластинка с революционными песнями томилась в чулане,
И это звучало крайне архаично: «Стой! Руки за спину!»
Спи, ничего страшного, тебе приснилось,
Решетку на окнах в прошлом году мы поставили, хотела мама,
Яйца на завтрак, я у тебя возьму несколько тысяч, ладно,
Пожалуйста, езжай осторожней, скользко.
Нет, не обманывай меня, уже поздно
Меня обманывать. Так раковому больному
Лучше сказать, что у него рак, чем держать в неведении,
Слышишь, скрип тормозов во дворе, слышишь
Брань и хлопок выстрела, слышишь, ухнула дверь подъезда.
Это птицы, это вороны, это всего лишь вороны,
Не беспокойся, полтора часа до рассвета.

был бы я один такой
а ведь много нас дураков
хотят небо чистое наблюдать
в легких платьях девушкам говорить привет
а казалось бы столько дел вокруг
столько тем вокруг что пойдя пропись
и давай работай давай заслуг
наработай карму реши спастись
говорил про кроры старик Кабир
говорил про кары монах Иван
ты джинсу наверно протер до дыр
что ты куришь с кем и зачем ты пьян?
я имею ветра еще полдня
я хотел за реку но там война
кто желает арестовать меня
кому это нравится, - мать честна
если будешь свят если станешь чист
если хочешь дрожать как – банально – лист
на ветру осеннем - затерто - что ж -
надоели снобы и выпендреж
я один такой было стало много нас
целый город забил креативный класс
каждый помнит Делеза читал Бодрийяра
в сердце заноза на стене гитара
так что срочно нужно менять угол взгляда
добиваться кризиса ждать распада

ты за кого, ну я за этих,
а ты за тех, наверно, да,
нас принял Бог, нас черт заметил,
горят чужие города
не будем драть напрасно глотку,
очарования – зола,
когда припрет - достанем водку,
винтом и только из горла,
я обязательно прикрою,
но ты ведь даже не за нас,
умрешь - умру, умри героем,
такой приказ

ребенок плачет, баба воеет,
в квартале очереди, дым,
и мы устало после боя
перед компьютером сидим

на кладбище военной славы
стоят дежурные посты
сны мертвых менее кровавы
сны юных более чисты
гудит набат гуляют вести
пугают гибелью и тьмой
чем этот кус земли прелестней
тем больше он навскидку мой
и никакого попеченья
о ласковых и неземных,
к чему напрасно тратить время,
куда надежней кнут и штык
лукавы лики перемоги
сочатся гноем и слюной
и только парень одноногий
сполна насытился войной

Вы чувствуете себя заложниками неких сил,
что ТТ сказал, что НН провозгласил,
какие наметились колебания курса валют,
за что тебя покупают, как себя продают.
Конечно, может не хватить еды,
воды, воздуха и прочей всякой возни,
могут начать стрелять, Боже нас сохрани,
те или эти, мы или они.
И как бы то ни было, те, что здесь, будут мы,
те, что там - они,
путаники окажутся изменниками,
добрым словом их не помянут,
но пока еще можно без всяких там
наблюдать ночные огни,
низины, утопающие в туманах.
Конечно же, вне сомнения,
безусловно, когда дойдет до меня,
я сделаю окончательный выбор,
упокоюсь в честном крематории или в яме,
достойно или презренно,
но если честно, это муйня,
не надо спешить,
еще можно заняться совсем другими делами.

никакого уныния у меня нет,
было - и нет его, вот как,
перекрашусь в темного, запутаю след,
сохраню силу для новых драк
поражение – временное, даже когда
оно в целую жизнь, ничего, пройдет,
пока льется вино, гудят города,
молится какой-нибудь обормот
не то, чтоб себе, он дурак не такой,
просто дабы существовала связь,
за здешний постой, за случайный покой,
за историю, которая сорвалась,
я верю в случайное будь со мной,
я верю в отчаянное здесь и сейчас,
а то, что когда-нибудь придут за мной,
то это, надеюсь, в другой раз

Мне снятся тревожные сны день за днем.
А какие еще ты желаешь?
Ой, я эротические хотел бы, приключенческие, дальние страны, там,
А то что ж? Пожары, взрывы, умершие родные все время намекают:
Ты был неправ.
Я был неправ. Я шел к ним, а они уходили на балкон,
Я мерил их свитера, я пил их кофе, я читал их книги,
А они все курили и курили на этом балконе.
Такие вот сны мне снятся? К чему? Говорят, в таких случаях стоит
заглянуть в сонник,
Но сонники устроены слишком замысловато.
Я читал одного греческого писателя, кажется, Артемидора,
Там ясно сказано, что если приснится, как трахаешься в задницу,
Это к празднику и новым нарядам,
А если в рот,
То страшный позор и почти что смерть.
Бедные греки, бедные мы...

вот я тебе говорю вот я тебе говорю вот я тебе говорю

вот

тут по небу плывут облака тут по небу плывут облака тут по небу
плывут облака

тут

раз увидел я лунный свет раз увидел я лунный свет раз увидел я
лунный свет

раз

надо помнить теперь навсегда надо помнить теперь навсегда надо
помнить теперь навсегда

надо

было что-то оно прошло было что-то оно прошло было что-то оно прошло
было

так устроено мы всегда так устроено мы всегда так устроено мы всегда
так мы

СТИШОК, НАПИСАННЫЙ В САПСАНЕ...

Можно убежать ото всего, кроме смерти,
своей, чужой,
вот, действительно, золотая осень,
поезд Петербург - Москва,
красивая девушка дремлет рядом,
мы поговорили с ней,
она сказала:
«жить-то как хочется»,
не обязательно долго,
сегодня

животное желание жить.

Где же, где же, где же, где же,
где же город Паневежис,
где мне жить смеясь и нежась,
где никто меня, никак,
где я сам кого угодно,
где дышать легко, свободно,
шить размашисто и модно,
только я, увы, увы
за большим германским валом
варвар варвару на глаз
друг и брат по идеалам,
не покинет, не предаст
у империи граница
спит Германик, мне не спится,
географии века,
перепутались начала,
класс, конвент, ареопаг,
места много, толку мало,
там, где надо, мы никак
но пока не на арене,
не в цепях, как циркачи,
есть прекрасное томление
в долгой северной ночи.

Не копи свои победы,
так недолго до беды,
нудно смерть идет по следу,
числит сроки и труды

у нее в руках бумажка,
там и дебет, и кредит.
но не даст тебе поблажку,
даже срока не скостит

лучше МУР, прокуратура,
ссылка, посох и сума,
чем великая культура
и толстенные тома.

ах, Марь Иванна или водка,
приятно то, за что дают,
моя блудливая походка,
мой соблазнительный уют
был, вероятно, лучший самый,
шутил, наверно, круче всех,
но все равно прекрасней дамы,
и парный трах, и свальный грех
когда по правилам – неловко,
неинтересно без затей,
в конце случится остановка,
и Бог бы с ней,
вот именно, Бог с ней

ну вот и так да вот и эдак
да что там сам уж посуди
живет поет в своих поездах
хранит суровый стяг в груди
его поэта ум нестрогий
и плоть как плоть не знает дна
и если вервие о Боге
то и веревочка видна
ей как ни виться - все конечно
приснится дальняя изволь
но он отшутится сердечный
поскольку выбрал жребий свой

Задержался, но как люблю
Это странное в никуда,
Эту прочную колею
Чарования и стыда
Быть собою – сизифов труд,
Соответствовать – полный бред,
Нас из книги жизни сотрут,
Как сказал один Мухаммед.

НОЧНАЯ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

не так, я понял, все иначе,
живи, - сказали, - не балуй,
тебе оплачен, предназначен,
ты это, значит, не минуй

пинок под зад, чувак на месте,
уже привык, уже сосет,
нельзя ли, - говорит, - так если,
нет, - отвечают, - что за черт?

и этот равно тут при деле,
по трезваку не разберешь,
заслушались и пролетели,
что он сказал – сплошная ложь

не слушай зла, давай смелее,
но все ж, гляди, будь начеку
свет – розыгрыш, мир - лотерея,
я это истинно реку

его создатель, обладатель,
тебя податель в агрегат,
у нас тут ни греха, ни пятен,
у нас все это, - честно, брат

у нас тут чистая страница
всех вероятностей итог,
нам вас придется сторониться,
мы вас не пустим на порог

есть обязательно другие,
сумевшие не на авось,
вы слишком сильно наследили,
а им иначе удалось

Хотел бы я вот что
Вот что я хотел бы сейчас
Сказать нет вдохнуть
Выдохнуть и еще раз вдохнуть
Воздух
Никакой чрезмерности никаких обязательств
Перед лицом завтрашнего дня
Который может в принципе и не наступить
По крайней мере конкретно для человека по имени аз

Прозаический текст
Записанный в столбик
Превращается в поэзию только тогда
Когда в нем присутствует...

Сфинкс мертвой глазницей обращен к реке
На другом берегу тюрьма
Прекрасное око зрит на град Петров
Где люди в тюрьме своего тела
Совершают привычные телодвижения
Ты сказала мне: посмотри
Какая причудливая оппозиция
Литературная иллюстрация
Обуюдоострой смерти

*«Веря веря веря в гуд
Нас никто не ищет тут»*

Нас никто не ищет
И никто не ждет
Миллиарды нищих
Солнцеповорот
На земле без неба
Мы теперь живем
Каждый – на потребу
Всякий – о своем
А бывало раньше
Да в родных полях
Мы летали стаей
И любили петь
Мысли и желания
Сразу навсегда
Это было прежде
Мы теперь не там
Но на самом деле
Мы никак не тут
Оттого и бродим
Средь пустых долин
Видим только звезды
Желтые вдали
И вдыхаем воздух
Вкусный как уснуть

ветер желтый свет сон
сколько еще раз интересно
на далекой планете меня ждут
с тенью играют в прятки
я бы хотел сказать им город
здесь восхитителен
и вы никогда
такого не ощущали
ветер по перспективе
но все они откуда-то отсюда
тоже что-то такое знают
из киева смоленска монреаля одессы
вон та длинноногая девчонка из рيو
с каким бы удовольствием я ее трахнул
но тени как говорят не имеют веса
запаха вкуса только очертания
боюсь это может смутить многих
если мы здесь ведем речь о любви
хорошо что я пока что могу проснуться
сесть на велосипед выехать со двора
сдать в ремонт куртку поставить заклепки
выдохнуть какая осень опять осень
прежде чем погрузиться в зимнюю спячку
еще несколько интересных историй

ИЗ «СТИХОВ ПОД ЭПИГРАФОМ»

*«Слышишь мачеха звездного табора —
Ночь, что будет сейчас и потом?
Наливаются кровью аорты
И звучит по рядам шепотком»*

О.Э.Мандельштам

Что проясняется в итоге?
Как мы умели делать ноги
От обязательных забав,
По сути оказались правы,
Семь мусоров родной державы
Нам били в пах.
В лицо честней наверно было б,
Зато в лицо нам солнце било,
И ветер то ж,
Гуляли сны, друзья стебали,
Такие открывались дали,
Что просто в дрожь.
Я мало знаю, кой-какие
Собрались мысли, торопили
Дороги, дальние места.
Ты хочешь власти - я не понял? –
Один хотел и быстро помер,
А я пока что - ни черта.
Есть – неизвестному солдату –
А мы – известному когда-то
У наших девок шельмецу,
Не комбатанту, не атланту,
Раствителю и музыканту,
Поскольку жизнь ему – к лицу.

Биологическая – что же –
Она с химической схожа,
Но это нижние слои,
А если брать немного выше,
Достанешь до текущей крыши,
Все обостряющей любви.
У счастья есть свои пределы,
И время строго вяжет дело,
Земля вращается вокруг
Своей оси и наших судеб,
О грустном говорить не будем,
А сдохнем вдруг.
Как будто вздрогнули, и дале,
Зачем тоска, к чему печали,
Достанет памяти и так,
Придут веселые за нами,
Они поднимут наше знамя,
Они докурят наш ништяк.

вы все знаете, о чем говорите,
а я вот не знаю, о чем говорю,
вот и Сократ говорил, что не знает, о чем говорит,
не знает, то, что знает, не знает, знает или не знает,
и я не знаю, знаю или не знаю, существовал ли Сократ, не знаю,
существовал ли Платон, не знаю, существовал ли Пир, не знаю,
не знаю, не знаю, не знаю, не знаю
пройти по Сократу - срезать угол,
так говорят в Ялте,
я очень хочу в Ялту,
в Ялте весна, в Ялте солнце, в Ялте девушки на пляже пьют вино,
вот это я знаю, вот это оно,
настоящие знание, не требующее никакой специальной верификации

Пожухла вечная погибель
И не пугает ни хрена.
Ребята курят на ветру
И пьют отравленное пойло.
Я вот любил погибель эту,
Она мне обостряла чувства,
Теперь не знаю, что и делать,
Пойду у пидора спрошу.
Есть у меня знакомый пидор,
Живет со вкусом на Пхукете,
Имеет юношей и маки,
У них за это не сажают.
Он в курсе новостей и книг,
Он философии познал,
Он видел южные моря,
И он меня утешить может.
Когда ж придет ко мне погибель
И скажет: здравствуй, вот и я,
Отвечу: ты теперь не так
Прекрасна, как была.

Ты обтрепалась, обветшала,
Покрылась струпьями-словами,
Изолгалась, и я теперь
Живу и мыслю без тебя.
Взметнется вечная погибель,
Меня погубит, как привыкла,
Но люди в это не поверят,
Расскажут: умер он, и все тут.
Такой расклад.

Совсем немного я знаю, что, где, почему и как,
Тело, его границы, сердце, кулак, елдак.
Опомниться, опохмелиться, совесть, страх, совпадения,
Кто такой и откуда, вечное место имения.

Брось, карнавальной службы ты не патриарх, дьячок,
Какие же тебе нужны свидетельства, что еще
Желаешь узнать о ветре, несущем полое время? -
Если не будет бессмертия, будет перерождение.

Трава, земля, насекомые, случайный взгляд за ограду,
Не надо, чтоб это знакомые, и лишнего текста не надо,
Снег защищает от холода и скрывает уродство,
Может быть только новое, старое – не вернется.

Один не любит Лири и Керуака,
Другой – Фолкнера и южан,
В соседней квартире воеет собака
И товарищ мне две сотни долларов задолжал.

Я задолжал четыреста другому другу,
Кстати, люблю Борхеса и не люблю Роб-Грийе,
Поднимается ветер, выстудит всю округу,
Скоро будет метель на земле.

И опять собака... не знаю, как поступить мне, чтобы
Напоить жаждущих, ободрить тех, кто встал и идет...
При этом я и вправду люблю Макса Жакоба,
И мне не очень нравится Элиот.

Не так уж и страшно в принципе многое из того,
Что кажется страшным, но промыслить нельзя никак
Присутствие этого в мире, если предположить Его,
До боли в висках.
Водоворот, ворота, куда оно унесет?
Кости, кровь, ткани, какие еще дела?
Где тот последний пост, где вершат учет
Сущности, раскаленные добела?
Аз, идиот отчаянья, путаный инвалид
По части устойчивых мыслей и достойных телег,
Не то, чтоб держусь за понятие «индивид»,
Но не готов уступить понятие «человек».
И что мне в нем, если вдуматься, что хорошего в том,
Как мы ходим по миру, рассматриваем небеса,
Полная чушь, они сверху и нас не держат при том,
А мы бы очень хотели, хотя бы на полчаса
Там задержаться, за облако зацепиться, лететь над рекой,
Смотреть, как кружатся птицы, стремительно падает ночь.
К сожалению, прогорклая истина проходит красной строкой -
Никому, никогда, ничем по настоящему не помочь.
Вот именно поэтому я стою за случайный взгляд,
Быстрое слово, любовный оскал и дрожь,
Плоть принимающую, и того, кто всегда виноват,
Поскольку всаживает нож.

Что нам горе Отума,
Ума-то надо немного
Средь низового шума
И городского смога

Надежды? – иные втуне,
Прочие – тралли-вали,
Мы? – еще накануне
Не все пока отыграли

У неба тьма-тьмущая планов,
И прочего - до икоты,
Проявляется на экранах
Наших компьютеров кто-то

Что-то такое, как-то,
Не азбука, но херово,
Нет ни единого факта
В пользу *Того* иль *Иного*.

Хочется, чтоб любили меня, не власть, не серьезную тему,
не культуру, путешествия, и тем более не свой маленький домашний уют,
поскольку полный звездац грозит всем нам,
у нас мало времени, и надо любить, что дают.
Любого меня любите, как умеете, неловко, топорно,
в городе, на природе, когда унижают, притесняют, вменяют, и когда
должное воздают,
к чему я призываю? – к максимальному порно,
реализованному сейчас и тут,
собственно, сейте зерна,
быть может, они прорастут.
У любого меня лишний вес, холодные ноги,
проблемы самооценки, детские комплексы, нелепый прикид,
но времени осталось немного, и для нас, немногих -
реальная угроза, что мы исчезнем как вид.
Машина не сможет прикоснуться к спине рукой,
приласкать клитор губами, проснуться в общем вагоне нагой,
у него/у нее будет чистая мысль, высокий дух и полный покой,
любите меня, за то, что я дурацкий, дурацкая, нелепый, нелепая,
такая, такой...

В детстве пригородные поезда на Ярославском направлении были зелеными
теперь они стали синими или блекло-желтыми
когда-нибудь ярко-оранжевые поезда
поднимутся в воздух оседлают ветер полетят под белыми парусами

иное иное иное
колокол в голове
иное иное иное
колокол в голове
иное иное иное
колокол в голове
(все то же что и всегда)
Троцкий в Ротонде
туристы пьют кофе
Троцкий в Ротонде
туристы пьют кофе
Троцкий в Ротонде
туристы пьют кофе
(во всех справочниках и путеводителях)
девочки в коротких юбках
рок-н-ролл секс драгз
девочки в коротких юбках
рок-н-ролл секс драгз
девочки в коротких юбках
рок-н-ролл секс драгз
(лучшие времена так и не наступили)

Весь день я думаю о том,
что невозможно быть котом,
собакой, волком и змеей,
а надо быть самим собой.
Шумит над домом ураган,
малец читает по слогам,
Иван Иваныч мастерит,
проход наверх давно закрыт.
Но где-то в дальних областях
есть одиночки, в их костях
какой-то древний матерьял,
чтобы скелет не истлевал.
Они умеют быть котом,
и человеком быть при том,
еще немного, и взлетят,
но почему-то не хотят.

ИГРА ЗВУКОМ

Е.М.

Необязательные вещи
не обособлено простые,
они таинственнее, глуше,
и причащаются стихии.
Приходит смерть по расписанию,
но мы его не прочитали,
день равнодушный, день весенний,
поляна, солнцем залитая.
На ней клубятся афродиты,
не мыслимы для понимания,
играют в будущее дети,
и хвалит всякое дыхание
Того, который нам жилище,
предел, предлог и уложение,
поскольку без Него мы - пища,
и хищное крадется время.

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

ты рождаешься, ты умрешь,
может
еще о чем-нибудь рассказать?

Что-то грустно мне сегодня
Почему-то как-то так
Я не ангел не угодник
Не преступник не дурак
О последнем вероятно
Можно спорить иногда
Только это неприятно
Так-то как-то господа
Дама едет в гости в Ниццу
Танки едут на Донбасс
Все что надо состоится
Но увы не в этот раз
Я при деле всю неделю
Я два очерка пишу
Лучше б маялся с похмелья
Потребляя анашу
Все не вовремя некстати
Невпопад невпроворот
Кто ошибся мне приятен
Кто был прав досадно врет
Лет мне тоже многовато
Притомилось существо
Хорошо из автомата
Но боюсь что не в того

Старая музыка, разговоры о том,
что могло бы быть, если б не случилось этой войны,
мы сохранили бы молодость? веру? дом?
время для танцев? спокойные сны?
и вот мне уже кажется, что как есть
даже лучше, чем так, как все шло и шло,
некоторые сохранили ясность рассудка, честь,
некоторые доблесть и старое ремесло.
По крайней мере бизнес и, возможно, пиар -
не такое уж теперь верное средство, чтоб волновать девиц,
а на самом-то деле мир слишком стар,
что ему несколько потерянных батальонов, несколько взятых станиц?

КРЫМСКОЕ. НА ПЕТРА И ПАВЛА.

Духовность дышит духотой
И дальней далью,
В соединении этих черт
Ее черта,
У моря девушка сидит
Под темной шалью,
Пьет душу вяжущий мускат
В конце поста.
Сегодня праздник. Летний пост
Блажен и легкий.
Самовлюбленный программист
Играет твист.
Жандарм свистит. Воришка пьян.
На пляже гогот.
И небосклон, - июль! июль! -
На диво чист.
Здесь не случилось ничего,
Тому столетие,
Здесь не бывало никогда,
Что было, б///ь.
Садится девушка в russbalt,
И Шереметев
Ее в Ливадию везет -
Потанцевать.

Относительно благополучные времена
имеют свойство заканчиваться. Тишина
нарастает, и вместе с ней пустота
приближается, втягивая нас, как шприц – вещество.
А ты говоришь, что ванная занята,
что не переделать за день всего,
намеченного. Не прочитанная книга, не застеленная кровать,
непролазные дебри философских работ.
Кто-то из соседнего подъезда ушел воевать,
помыли ли мы посуду? – скоро сын из школы придет.
Я бы хотел сделать себе укол
и вернуться к видению лет на тридцать тому назад:
свободная любовь, сопротивление, рок-н-ролл,
дорога через пустыню от Красноводска на Ашхабад.

Все получилось как-то так, -
Я говорю о социальном, -
Я думал, будет все иначе,
Преображение грядет.
Я думал, наше поколение
Изменит мира очертание,
Он будет чище и добрее,
По крайней мере веселей.
Не лучше ли о мимолетном? -
Луч пробивает облака,
И возникает новый свет,
Преображая старый город.
И люди, следуя животным,
Но все же собственным желаниям,
Находят силу и надежду
И жадно лепятся друг к другу...

Тут вот опять так,
сколько ненависти, а поэзия не то и не это,
и точно не то, что я пишу сейчас, верный знак,
что нет описания неба, предощущения рассвета,
того, как она - нет, и того, что он,
и того, зачем на этот свет мы пришли, и куда потом,
или выходим покурить на балкон,
заходим обратно в дом.

Я бы очень хотел это все описать еще миллион раз
в новых словах, или в старых, найти силу и свет,
но у меня никакой возможности продолжить этот рассказ,
когда котел у Дебальцево то ли смыкается, то ли пока еще нет.
Я столько раз где-то там, возле станции Лозовой,
выходил из электрички, ехал от Харькова куда-то на юг
по общей стране, не всегда обаятельной, но живой,
и вот, вдруг.

Публицистика, просто речь, никакие там не стихи,
дописать, лечь лицом в подушку, уже без сил, молчать, ждать, что
схлынет ночь,
а эти... дверь на балкон затворили, поужинали, воркуют, как голубки,
и думают, что назовут сына Богданом, если родится сын,
и дочь - Анной, если родится дочь.

СОНЕТ НА МАНДЕЛЬШТАМОВСКУЮ СТРОКУ...

В России страх, в Венеции туман,
И власть, и силы постоянно с нами,
Компьютер выключен. Давай теперь словами.
В картинке - ложь, в движении - обман.

Нептица пролетит над головами
Нечеловеков, и для неземлян
Расскажут, где Париж, где Магадан,
Что делать с играми, соблазнами и снами.

Живем, вгрызаясь в личные дела,
Имеем свой паек, свое терпение,
С надменным видом измеряем время,
Разбрасываем вещи и тела.
Но все изменится, когда нептица
В предутреннем тумане раскричится.

Вот такая, блин, халява,
Вот такая, б//дь, тоска,
Через южную заставу
В город введены войска.
Наплевать – твердит туземец,
Глупо бить в колокола,
Сорок танков под брезентом,
Карты, деньги, два мурла.
Девки пьяные смеются,
Бабки трезвые спуют,
Нет ни драк, ни контрибуций,
Продаются, продают.
А придет когда тревога,
Свалка, драка и мятеж,
Глупо выйдет. Все, кто могут,
Устремятся за рубеж.
Там покой и вдохновение,
Там хороший аппетит,
Там, без всякого сомнения,
Тоже армия стоит.

ЯЛТА 2015

Бывает такое: споры, случайности, перетолки,
Чемодан у пенсионера в самолете свалился с полки,
Министра взорвали на пляже, чиновник повесился в бане,
Младенец сказал мамаше: славное мироздание.
История была трезвой, а оказалась пьяной,
Подруга казалась резкой, но к вечеру стала нежной,
Самые сексуальные млекопитающие – обезьяны,
Самый приятный лидер советского времени – Брежнев.
Я плыву на спине, перебирая ногами,
Выдыхаю в синее небо радость хотеть и стремиться
К берегу, где хорошо, непостижимое постигая,
Жариться голышом, подсматривать очевидцем.

ВИДИТЕ, ЭТО ТОЖЕ МОЖЕТ БЫТЬ СТИХОТВОРЕНИЕМ...

Если бы я писал письмо вождям Российской Федерации,
как некогда Исаич писал письмо вождям Советского Союза,
я бы сказал им, ребята,
НАТО со всех сторон,
Китай тоже небезопасная игрушка в два миллиарда,
так может быть попробовать, немножко больше свободы в
присоединенном Крыму,
ларьки с помидорами на улицах Ялты, лавки с контрабандным
товаром в закутке на спуске, нищие и музыканты на набережной,
вино на разлив (а то осталась одна точка, и та на рынке),
никаких лишних бумажек для владельцев крохотных кафе на три-
четыре столика,
и глядишь,
всё уляжется, утрясётся,
и черноморский флот, которому никто не угрожает,
и украинский фашизм, которого почти нет,
и русский фашизм, которого почти нет,
и вопрос суверенитета, который в нынешнем мире имеет значение
только тогда, когда вы считаете ваши доходы...
а так - Путин большой, Путин маленький, Путин средний в витрине
сувенирного киоска ялтинского городского совета,
и огромный надувной динозавр у кинотеатра, посреди фонтана,
такие игрушки имеют тенденцию оживать,
того гляди, он всех нас сожрет, и вас не оставит вниманием...
бабушка с внучкой, обе очень худые, белолицые,
идут с огромным знаменем Луганской республики к памятнику Ленина,
садутся напротив, бабушка закуривает,
внучка прижимает ткань знамени к щеке и трется о ткань как кошка,
долго и нежно...

тыры-мыры восемь дыр
засорили нам эфир
сколько игр компьютерных
и частушек матерных
фьючерсов и литеров
прочих оболвателей
раз два восемь выходи
дождь на улице, поди,
север, клевер, холода,
и у власти ерунда
на любое да ответ
нет
бестолковый разворот
глупо думать все пройдет
но законов жанра жаль
где у них развязка?
или это пастораль,
свинг и свинопаска?
пряма так неизбежное
сосуществование
нежности промежности
мании желания
во страна любила так
а теперь по новому
замените мне елдак
почините голову

Если бы явился ко мне змей, длинный зеленый говорящий змей,
И сказал, эй ты, герой, ты же не буддист, история твоя недурна,
Загадай три желания, только скорей,
Пока я добрый, и у вас тут не началась смута или война.
Я бы ответил ему: ну ты даешь,
Никогда не думал, что такое произойдет со мной,
Наверное, это ложь,
Слова твои – соблазнительный гной.
И все-таки я бы загадал ему желание, только одно,
Так уже случалось не раз, но вот еще один раз,
Чтобы июль на юге, постель, возлюбленная, вино
И целые сутки в запасе у нас.
Здесь, в Ялте, или там, на краю земли,
Пока еще не исчерпан срок, не закончен век,
Змей бы мне ответил: вы так много могли,
И так мало хотели. И ты тоже – человек себе как человек.
Загадал бы власть над мирами, путешествие в царство теней,
Научился бы взлетать как я, пресмыкаться как я,
А я б ему ответил, один из нас мужчина, другой - только змей,
И воля моя, и свобода тоже моя.
Он бы поднялся надо мной, высунул раздвоенный свой язык,
Я бы напрягся, подумал, только б хватило сил,
А он бы ответил: ладно уж, я привык,
Еще несколько раз сбудется все то, что ты попросил.

ДЛЯ АНАСТАСИИ РОМАНОВОЙ

Лучше тебя никого нет,
к сожалению, не всем это ясно, но
так обычно случается: видеть свет -
это тоже не каждому суждено.
Этим я и пользуюсь. Иначе мне
пришлось бы совсем худо. Мир таким пустым
иногда кажется. Как на дне -
никого не слышим. Лежим, спим.
Но я протягиваю руку, и вот, вдвоем,
иногда этого достаточно, чтоб действовать и говорить
о том, что мы несчастных выручим, устроим, обогреем, спасем,
не наверняка, разумеется, но всякое может быть...

О поэзии говорят,
исчерпала она себя, говорят,
слова потеряли плоть, говорят,
теперь их можно на мельнице перемолоть, говорят.
Но вокруг нарастает гул голосов,
уши заткнуть? не получится, он сильней,
один поток из наших поселков и городов,
другой, куда более внятный, из царства теней.
Там, за Стиксом, слова еще на местах,
там, за Стиксом, шуршат они и скрежещут,
а здесь у каждого своя правда, и каждый прав,
поэтому надежнее кажутся китайские вещи.
Но выходит одна, подведены глазки, раскрашен рот,
умное тело, породистая голова,
кто ее снимет сегодня? кто возьмет?
будут ли им вообще нужны слова?

Нелепо так, нелепо тут,
нелепо там,
кого пасут, кому дают,
все по местам
в одном прокисшем городке
жил человек,
гадал девицам по руке,
давал ночлег
случайно встреченным в ночи
без лишних фраз
бросал ключи, метал харчи,
стелил матрас
сюжета нет, ни Рим, ни мир
его не знал,
он просто кое-что хранил,
хоть все терял,
терял страну, друзей, подруг,
покой и сон,
но твердо знал - такой на круг
не только он
у многих вроде все не так,
а вроде вот
один простак, другой чудака,
круговорот
он жил и Бога не гневил,
и видел Бог,
что вот он: был, мед пиво пил,
и жил как мог.

Жил в городе один чувак,
Теперь таких, наверно, нет,
Он говорил примерно так:
Я знаю, как создать сюжет,
Любить красоток, верить в бред,
Вокруг устроить кавардак.
Он шел на улицу, в кино,
На пляж, на службу и домой,
Он просто был собою, но
За ним струился мир иной.
Летели ангелы за ним,
Летели бесы по пятам,
Он был взлелеян и храним,
Поскольку надоело им,
Что их совсем не видно нам.
Он шел на улицу, в кино,
На пляж, на службу и домой,
Он просто был собою, но
За ним струился мир иной.
Он был неряшливо одет,
Немного пьян, но для него
Как будто не было тенет,
Ему не нужен был билет,
Вопрос-ответ, заемный свет,
Вообще не нужно ничего.
Он шел на улицу, в кино,
На пляж, на службу и домой,
Он просто был собою, но
За ним струился мир иной.
Он наплевал на то, что срок
Конечен, и не хватит сил
На истинное торжество,

И все умрут, кто нас любил...
Как будто именно его
Слепил из красной глины Бог,
Но чорт коварно соблазнил.

ПРОСПЕКТ ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЫ

веселиться, кадриться, смеяться, петь,
начинать, увлекать, понимать, ловить,
обознаться, скурвиться, закосеть,
захотеть хоть что-нибудь изменить,
жил у Лавры веселый один мужик,
много водки, девочек и травы
звали Фредди, теперь он совсем старик,
мы с ним встретились на берегу Невы,
я гулял с собакой, и он гулял,
он меня узнал и припал к плечу,
как же он расчувствовался, зарыдал,
умирать, - говорит мне, - совсем не хочу,
а ведь стоило бы, и давным-давно,
когда Танюха, помнишь, от меня ушла,
давай выпьем, что ли, - и достал вино,
и мы выпили красного из горла

ЕЩЕ ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ ФРЕДДИ, НАПИСАННОЕ НА ПРОСПЕКТЕ ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЫ.

Товарный идет по мосту. Еле тащится электровоз.
Огни на другом берегу. И это еще один
Повод не обсуждать чересчур всерьез,
Кто кому должен, кто кому господин.
Приближается ночь. Время сна и время любви,
Для кого-нибудь, разумеется, время чтения и печали,
Еще один повод не обсуждать, кто здесь свои,
Как нас провели, точнее сказать, на/бали.
Фьють – жизнь пройдет. Фьють – начнется новая, – что ж,
Ветер доносит нам имена ушедших в иные пределы.
Встретить старого друга, спросить его: Как ты живешь?
Водку хлещешь, ну ты даешь,
Славно, едрена вошь,
Что ты еще здесь, что ты еще тело.

Хотел бы я
В Питере или в Москве
Найти себя,
Потерять разум,
Обрести бессмертие.
Но в этих городах
Только кое-что возможно,
Об остальном
Остается только мечтать.
Говорят русские
Слишком мечтательны,
Чтобы
Расправить плечи.
Они слишком верят
В доброго Бога.
Бог все устроит
По своему разумению.
Один мой друг заметил:
Мы забываем прошлое,
Чтобы восстановить его в памяти
Как нам удобно
Сего дня
(не завтра и не вчера).
Мне стало неловко,
Неужели мне просто хочется помнить:
Мы с тобою шли, держась за руки,
по проспекту Обуховской обороны...

Бывает так: что это то, и это то,
и вот: в гостях: один зовет, другой вопит:
один тревог, другой пустот: потом в пальто,
и целый вечер одному, еще и стыд
Ну а бывает все не так - ушел, пришел,
хотел - обрел, пустил - сумел, и круглый год
никто не врет и не вопит. садись за стол
упри свой лоб, забудь свой пыл, и все пройдет.

О чем говорить? Ночь, луна.
Гурджиев тревожит меня, шатун.
Он сам обознался. Его вина,
Что ныне над нами две сотни лун.
Я помню, как в Азии он ходил
Конечной истины знать предел.
Один я как робот - торчу, debil,
В плену однозначно астральных тел.
Кровавый прибой. Отлив. Прилив.
Желания. Доводы. Пересчет.
Еще неизвестно, кто прав, кто жив,
К иному пределу река течет.
В любом относительном – абсолют,
Его присутствия- тьма примет.
Мне интересно, как нас зовут
Там, где нас нет.

Большие достойные люди пишут большие достойные книги,
Ташевский назвал журнал «Переферией» и обрек нас на ожидание,
Вокруг невероятные пляски по поводу сыра и ветчины,
У меня по утрам болит голова, что уж там говорить про вечер...
На самом деле, я хотел бы расширить видимое пространство,
Не обнажая новых схем, не раскрывая тайных планов,
Просто немного больше сюжетов иметь в виду,
Скажем, она улыбается и взлетает.
Смотришь, как она огибает провода и антенны,
Уворачивается от вертолетов и пуль испуганных полицейских,
И думаешь - я так не умею, какая досада,
Я умею что-то другое, а вот это, увы.
Я бы никогда не назвал свой журнал «Периферией»,
Я бы назвал его Твердым Знаком, опираясь о твердость,
Но не заметил бы. что Твердый Знак после ленинской реформы
правописания -
Почти лишняя буква, малоупотребительная.
Она присела на чей-то балкон и болтает с симпатичным парнем,
Еще не хватало, чтоб они публично занялись любовью,
Это может не понравиться многим священникам, муллам, раввинам,
И тогда полицейские утратят рвение.
Будет грустно смотреть, как они стараются и мажут
Просто потому, что она бессмертна и неуловима.

Не то, чтобы я хотел спешить или наоборот, остаться и остановиться,
наоборот, никаких претензий, просто бывает не по себе
от необходимости когда-то умирать, столько раз обговоренной, и все-таки...
Давыдов мечтает стать киборгом, меня не слишком пленяет такая участь.
Религии тоже многое обещают, но как убедиться, что они и вправду религии,
то есть соединяют этот мир и другой, о котором нам ничего не известно,
даже не известно о его существовании...
Хотя источников и вправду много,
как человек с историческим образованием, я могу это подтвердить.
Хорошая литература, добрые намерения,
неисполнимые обещания.
Пугают, говоришь, иногда и пугают.
Как же с нами иначе? -
существа, обреченные умирать,
способны на многое.

И ладно, в сущности, и вот,
Такое странное живет
Во мне, со мной, и безвозвратно...
Все смыто. Так, за годом год
Пространство медленно плывет,
Не устоять – уйдешь под лед.
Оно – на глади этих вод
Как будто нефтяные пятна.
Несет спокойная река
Уже совсем издалека
Бульвары, площади, приметы
Давно покинутого мной.
И в полдень майский, и зимой
Я бы хотел попасть домой,
Но дома нет.

Девяностые, говорите, девяностые? -
фотографий у меня почти не осталось,
много сменилось мест,
Но было весело, это правда,
тут у нас было весело.
Только недалеко от Каргополя, на Лекшмозере
разговорился я с учительницей географии,
школу теперь закрыли,
учеников не хватает,
и она рассказала мне, как голодали дети
у них в девяностые годы.
А так было весело, очень весело,
И наркотики, которые я тогда употреблял,
нравились мне,
и товарищи, которых потом убили,
нравились мне,
и подруги, которые потом состарились,
нравились мне,
и даже мой брат и соперник по опасным играм,
который стал теперь телевизионным пугалом,
нравился мне,
больше того, я его любил,
любил без памяти,
как и сейчас люблю
90-е годы.

Памяти В.П.

Бежать из времени, бежать, укрыться, затеряться, деться, -
Где можно сплетничать, рыдать, длить юность или даже – детство?
Мы полагали, дураки, что из страны нам скрыться надо,
От серой краски, требухи, партийных съездов и докладов.
Какая глупость – этот век с его предчувствиями, снами.
Хотел и думал человек, щелчок, - и нет его меж нами...

гулко раздаются шаги
подморозило
облака стремительно пролетают квадрат двора
странное ощущение - идти туда, откуда ты ушел
а ведь это вся жизнь

Ничего что я еще
Ничего что я пока
Время пастью щелк-пощелк
Обманули дурака
Был он в целом ни при чем
Было как - и было чем
В дополненье перечел
Много разных теорем
Пифагора Кьеркегора
Витгенштейна Демокрита
Он заснет теперь нескоро
Так-то то-то - шито-крыто
У корыта шуры-муры
Вам не страсти по Матфею
Я в запасниках культуры
Замираю и уею
(немею)
(дурею)
(мне б в лотерею)
(не то, чтобы с нею)
(куда-нибудь в Лету)
(с какой-нибудь – в воду)
до моря – с Хароном,
потом - на свободу...

ТРИПТИХ - 1

1.

Я не нашел старого стихотворения,
Которое очень хотел отыскать,
Его нет ни в публикациях, ни в компьютере,
Вообще нигде.
Оно публиковалось в одном альманахе,
Где-то в 1993 году,
Но у меня не осталось ни единого экземпляра.
Недавно переустанавливали ОКНО,
Из окна выпали старые архивы,
Дворник вымел их в пустоту,
Так вот и после смерти
Ничего не останется.
Имя? – фьють,
Разве что на надгробии,
И то ненадолго.

2.

В греческом полисе каждый знал каждого по имени,
Так продолжалось несколько столетий,
Почти тысячу лет.
Но вот, прошло немного времени, и...

3.

В других древних культурах
Имя вообще
Не имело никакого значения
(кроме разве что Тиглатпаласара Третьего).

Я был сегодня в Удельной,
Питер увидел отдельный,
Совсем не благопристойный,
Но славный и очень достойный.
На барахолке куртки,
Джинсы, шотландки-клетки,
Полочки и фигурки,
Пластинки и мотоциклетки.
Старые и молодые,
Уродины и красотки,
Все кого-то любили,
Барали и брали водки.
Целлофановых, чистых
Нету на самом деле,
Многие при коммунистах
Свое уже отсидели,
Кто-то при демократии,
Кто-то на месте, в дурдоме,
Да что я, к ////////////// матери,
Да все о российской доле?
Мне купили пальтишко,
Лейбл непростой - бугатти,
Совсем недорого вышло,
Красивое оно, кстати.
Поговорили с теткой,
Почему-то смешной и четкой,
Про евро курс, про утраты,
Про то, что все виноваты.
Но незачем заморачиваться
И сокрушаться не нужно,
Всем красавицам – платьеце,
Всем молодцам – оружие!

Такая странная история, такая глупая истерика,
мы не торговая фактория и не открытая Америка,
зато привычное приятельство и ритуальное молчание,
мы здесь давно и обязательно, и в этом нет необычайного,
есть только девушки и женщины, есть узнавание и сплин,
пусть обстоятельства изменчивы, конец один.

человек лет семнадцать не потерявший невинности
вызывает печаль
человек лет тридцати не имеющий долгой любовной истории
вызывает печаль
человек лет пятидесяти трахающий все что движется
вызывает печаль
человек лет семидесяти забывший о сексе
вызывает печаль
человек лет девяноста
вызывает печаль
я на амфитаминном отходняке
у меня все вызывает печаль

подружка дразнит меня
и показывает мне грудь
пока я сочиняю тексты по экономике
с 11-30 до 17
вот если бы также на время я писал бы эротические рассказы
вспомним Хайдеггера
это было бы окончательным осуществлением моего жизненного проекта

Есть на свете много сказок,
Много песенок, картинок
И различных языков
Люди с круглыми глазами,
Люди с толстыми уями
Люди просто и вообще
Среди них гуляют боги
Поощряют их к соитью
К размышленьям и поступкам
Но бывают и такие
Кто живет совсем иначе
Постоянно не попад
Неприятные герои
Обдолбавшись героином
Губят собственное тело
Рядом с ними остальные
Налакавшись белой водки
О высоком говорят
Мне приятней мой приятель
Занимающий у женщин
Двести долларов на кофе
Он далек от совершенства
И поэтому наверно
Никогда их не отдаст
Но зато легко станцует
Поцелует и обнимет
Стиснет задницу руками
Обогреет и отмоеет
Обозначит и отмолит
Увезет на сине море
В те края которых нет

ТРИПТИХ - 2

1.

Ты какого хера
выбираешь смех,
площадную Веру
любишь лучше всех?
Пусть играют Двери,
пробирает дрожь,
в небесах Венере
я не нужен ни за грош...

2.

Секс на пляже
Пляж при сексе
Много лажи
В нашем тексте
На Литейном
и на Пряжке
Все мы здесь
В одной упряжке

3.

Есть невротики эротики
воспеванцы о, закат!
взревнователи о плоти,
те, что в омуты глядят,
бес опутывает многих,
маги чертят вензеля,
смысл, куда уходят ноги,
ночь, куда ведет земля,
я из них, всегда о низком,
хоть высокие по мне,
чудеса единым списком
и минувшее в огне

Обычный человек в городе, в глубине
Улиц его, на дне
Снов и отчаянья своего,
Берег вещи, так как не было ничего
Другого, достойного, дорогого,
Скажем, Бога, скажем, глагола.
Однако небольшая инъекция могла бы сместить его взгляд,
Кальдерон, Новалис могли бы сместить его взгляд,
Леночка Бахметьева могла бы сместить его взгляд,
Но всего этого на него не хватило, - так говорят.
А другой человек насвистывал, был востребован, пьян,
Врал, оправдывался, путешествовал, говорят, был мятежник и наркоман,
Рассказывают, клеветал на женщин, барал чужих жен,
И вообще, был страаашно вооружен -
У него был стек, у него был стяг, у него был смех, и вообще все ништяк.
И что поделать, если всё в жизни так.
Но история могла бы разложиться иначе, не настолько явно и чисто,
Скажем, если бы оба случились гомосексуалисты,
И однажды ночью, ясной зимой
Один подвозил бы другого домой -
Они бы с первого взгляда друг другу понравились и обо всем забыли,
До последнего глотка бензина трахались бы в автомобиле.

И судьба, - себе скажу я, -
Не серьезней поцелуя,
То есть уя, то есть дули,
То есть дула не страшней.
Неча мудрствовать лукаво,
Слева смерть, слова направо,
Где облава, где потрава,
Да и что нам делать с ней?
Ничего нам с ней не надо,
Ни любви, ни шоколада,
Ни желанного наряда,
Ни отчаянной тоски.
Только таска, только тёрки,
Только тени на скатёрке,
Диск Брассенса, томик Лорки,
Гардероба номерки.
Но спешить домой нет смысла,
Месяц, день – всего лишь числа,
Ночь последняя повисла,
Сны, туманы и дожди.
Улыбнется танцовщица -
Как звенят ее мониста! -
Где здесь смысл? Ни грамма смысла.
Вся охота впереди.

Ну и что, в сущности?

Вода четыре градуса, скоро море замерзнет, от недосыпа тошнит.

Один герой создавал - хаос,

другой - порядок,

я всегда посередине.

Ни хаоса, ни порядка,

армию распустить.

Была бы возможность выскользнуть, проскользнуть,

увы.

Вода четыре градуса, скоро море замерзнет, от недосыпа тошнит.

Вот и все в сущности.

За высокою стеной,
за надежною спиной,
под опекой, под приглядом,
разбрелись по саду,
парами сидим,
смотрим, как уходят в небо черные следы.
Где ты, вестник, чей ты, сон,
кто повесил небосклон
под углом к простору
и закрыл прекрасный вид
на Египет и Мадрид,
на поля и горы?
Вот он в кресле над землей
с длинной белой бородой,
с ласковой улыбкой,
бросил время мне – лови,
я поймаю, весь в любви,
с кроткою молитвой.
Вот, скажу, от сих до сих,
где родители, где Стикс,
мой надел означен,
воют волки, липнет страх,
был я прахом, был Ты прав,
и никак иначе.
Только лесом провода,
только песен череда,
рок-н-ролл форевер,
было летом, стало течь,
было правдой, стало прочь,
я люблю свое стеречь,
я люблю своим помочь
у мирового древа.

Д.Г.

Христос – это бомжи,
Прочие – провисают,
Еще дети, они не по лжи,
Как бы сказал Исаич.
То солнце вокруг, то грязь,
Встречи и расставания.
Христос – обратная связь
Нашего ожидания.

А.Р.

Я не знаю, чему радоваться, против чего бороться, кого хотеть
В тех обстоятельствах, когда
Чипы и видеокамеры заменили дыбу и плеть,
Роботы скоро заполнят наши дороги и города.
Я говорю тебе: бежать, таиться,
Поддерживать навыки разжигать огонь, приготовить мясо, сварить яйцо,
Быть просто путниками, обыкновенными очевидцами,
И при любой возможности прятать лицо.
Ни в коем случае не доверять обещаниям безопасности, медицинской
страховке,
Гарантиям, ожиданию бессмертия, правилам поведения за столом.
Пока у нас остаются силы, будем как хищники, дерзки и ловки,
А когда устанем, хорошо спрячемся и умрем.

Ну вот и я. Такой, как прочие,
Среди сомнений и причин,
Осознаю заветы Отчие,
Но не исполнил ни один.
За окнами зима. Смеркается.
Свободным прожил я? Рабом?
И очень хочется раскаяться,
Как староверу – об пол лбом.

Страна моя как женщина ревнива,
страна моя как женщина ревнива,
страна моя как женщина ревнива,
но где-то там, я знаю, там, вдали

есть темно синие моря, оливы,
есть темно синие моря, оливы,
есть темно-синие моря, оливы,
дельфины и большие корабли.

За окоем увы, не бросить взгляда,
за окоем, увы, не бросить взгляда,
за окоем, увы, не бросить взгляда,
но где-то там, я верю, быть должна

земля без призраков, где все вино без яда,
земля без призраков, где все вино без яда,
земля без призраков, где все вино без яда,
песок и девушка, прилив, луна.

Но мне и здесь просторно и привольно,
но мне и здесь просторно и привольно,
но мне и здесь просторно и привольно,
я знаю, кто, зачем и отчего,

все эти ссоры, ужасы и войны,
все эти ссоры, ужасы и войны,
все эти ссоры, ужасы и войны
лишь приближают наше торжество.

СОДЕРЖАНИЕ

«Кем я должен быть?..»	3
ДО КОНЦА	4
«Дух веет...»	7
«История, конечно, странная...»	8
«О чем бы думать я хотел...»	9
РЕЛИГИОЗНОЕ	10
«Много Бога много Бога...»	14
«То, что умею я – умею...»	15
ВЕЛИКОПОСТНОЕ	16
«С любой стороны вороны...»	17
«Без-образное, о чем я...»	18
«Спи спокойно, надо спать...»	19
«Я начинаю задыхаться...»	20
«Я не знаю для кого и кому...»	21
НАД ИНТЕРНЕТОМ В ОЖИДАНИИ КРИЗИСА	22
«Во Франции жил Жан Жорес...»	23
ПОЧЕМУ ОНИ УБИЛИ ЖОРЕСА	24
«Я нашел себя в сетевом списке врагов народа...»	26
СКОРО...	27
«Был бы я один такой...»	29
«Ты за кого, ну я за этих...»	30
«На кладбище военной славы...»	31
«Вы чувствуете себя заложниками неких сил...»	32
«Никакого уныния у меня нет...»	33
«Мне снятся тревожные сны день за днем...»	34
«Вот я тебе говорю...»	35
СТИШОК, НАПИСАННЫЙ В САПСАНЕ...	36
«Где же, где же, где же, где же...»	37
ПРОСТО	38
«Ах, Марь Иванна или водка...»	39
«Ну вот и так да вот и эдак...»	40
«Задержался, но как люблю...»	41
НОЧНАЯ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ	42
«Хотел бы я вот что...»	43
«Вери вери вери в гуд...»	44
«Ветер желтый свет сон...»	45

ИЗ «СТИХОВ ПОД ЭПИГРАФОМ»	46
«Вы все знаете, о чем говорите...»	48
«Пожухла вечная погибель...»	49
«Совсем немного я знаю, что, где, почему и как...»	50
«Один не любит Лири и Керуака...»	51
«Не так уж и страшно в принципе многое из того...»	52
«Что нам горе Отума...»	53
«Хочется, чтоб любили меня, не власть, не серьезную тему...»	54
«В детстве пригородные поезда...»	55
«Иное, иное, иное...»	56
«Весь день я думаю о том...»	57
ИГРА ЗВУКОМ	58
НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ	59
«Что-то грустно мне сегодня...»	60
«Старая музыка, разговоры о том...»	61
КРЫМСКОЕ. НА ПЕТРА И ПАВЛА.	62
«Относительно благополучные времена...»	63
«Все получилось как-то так...»	64
«Тут вот опять так...»	65
СОНЕТ НА МАНДЕЛЬШТАМОВСКУЮ СТРОКУ... ..	66
«Вот такая, блин, халява...»	67
ЯЛТА 2015	68
ВИДИТЕ, ЭТО ТОЖЕ МОЖЕТ БЫТЬ СТИХОТВОРЕНИЕМ... ..	69
«Тыры-мыры восемь дыр...»	70
«Если бы явился ко мне змей...»	71
ДЛЯ АНАСТАСИИ РОМАНОВОЙ	72
«О поэзии говорят...»	73
«Нелепо так, нелепо тут...»	74
«Жил в городе один чувак...»	75
ПРОСПЕКТ ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЫ	77
ЕЩЕ ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ ФРЕДДИ.	78
«Хотел бы я...»	79
«Бывает так: что это то, и это то...»	80
«О чем говорить? ночь, луна...»	81
«Большие достойные люди пишут большие достойные книги...»	82
«Не то, чтобы я хотел спешить или наоборот...»	83
«И ладно, в сущности, и вот...»	84
«Девяностые, говорите, девяностые?...»	85
«Бежать из времени, бежать, укрыться, затеряться, деться...»	86
«Гулко раздаются шаги...»	87

«Ничего что я еще...»	88
ТРИПТИХ - 1	89
«Я был сегодня в Удельной...»	90
«Такая странная история, такая глупая истерика...»	91
«Человек лет семнадцати не потерявший невинности...»	92
«Подружка дразнит меня...»	93
«Есть на свете много сказок...»	94
ТРИПТИХ - 2	95
«Обычный человек в городе, в глубине...»	96
«И судьба, - себе скажу я...»	97
«Ну и что, в сущности?...»	98
«За высокою стеной...»	99
«Христос – это бомжи...»	100
«Я не знаю, чему радоваться, против чего бороться...»	101
«Ну вот и я. Такой, как прочие...»	102
«Страна моя как женщина ревнива...»	103

